

Геннадия
Трифонов

ТЕНЬ НАД ВЕРХНИМ СТОЛБЦЕМ

Геннадия Трифонов

1.
Что заводишь в том?
Что заводишь в том?
Ты летишь в том?
Ты летишь в том?
Ты летишь в том?
Ты летишь в том?
Ты летишь в том?
Ты летишь в том?

О, Гена, Гена,
кто это - Гена и Гена.
Гена, в том Гена
Гена, в том Гена

И не улетит Гена
И не улетит Гена -
Гена, в том Гена
Гена, в том Гена

В Гене Гена, Гена
Гена, в том Гена.
Гена, в том Гена -
Гена, в том Гена.

Гена - Гена Гена.
Гена - Гена Гена.
И Гена, в том Гена
И Гена, в том Гена.

И не улетит Гена.
И не улетит Гена.
Гена, в том Гена
Гена, в том Гена.

ТЕНИСКИ ВРЕ СВЕЧА
 ГИВИ КАНТАГАДЗЕ

I.
 Что позабыл я там?
 Что оставил здесь?
 Как хочется губам
 тебе стихи прочесть!
 Со мною не впервые
 случившийся недуг:
 хочу твою любовь
 всегда кормить из рук.

O, Гиви, говори,
 что это — блажь и ложь.
 Гляди, в моей крови
 серебряный твой нос!

Я не убит еще
 и рана так легка —
 грузинских губ и щек
 тень на меня легла.

В Тбилиси ночь. Свеча
 колеблет конисель.
 Плен твоего плеча —
 все те же свет и тень.

Там — лопадный хран.
 Здесь — свет стальных мечей.
 Я жизнь морю отдам
 за ночь твоих очей.

Я не боюсь уха.
 Я не боюсь. Ведь ты
 вернул моей душе
 прямоту чистоты.

2.

Бессонные ночи Тбилиси...
 Лишь в нежности и наготе
 грузинскому небу присниться
 хотелось бы заново мне.
 Как реки — Кура и Арагва —
 хочу овладеть я, поверь,
 единственным подвигом — правдой
 всегдашних удач и потерь.
 Целую тебя — это можно! —
 в пробел твоей смуглой судьбы.
 И собственной чувствую кожей,
 сколь неординарны мы.
 Тебе только дерзости надо,
 игры при закрытых свечах.
 А мне — если даже ты рядом —
 весь век мой от крика молчать.

И.

О, зачем эта радость,
 этот свист соловья,
 обильный разом
 и тебя и меня?

О, и чему эта воляность,
 эта дерзость и дрожь?
 Ты до смеха и боли
 на другого похож!

Я не помню об этом.
 Просто к рифме пришлось.
 Я и сам ведь наверно
 на другого похож.

О, и знаю: мы можем
 так весь век вековать
 и грузинские розы
 на ветру целовать.
 Нет же смелости в таком деле
 ни в одном, ни в другом случае.
 Ах, какой! Ах, какой! Ах, какой!

4.

Апрель в Тбилиси, словно мальчик,
 причудлив, резок и выислен.
 Он тихо по-грузински плачет,
 пока его по-русски вынычат
 моя воскресная ладонь.

Чего боится он? Я тот,
 кто, может быть, всего немнее
 на землю падает с высот,
 ни горла не сломав, ни зон,
 кто рифмы подставляет рот.

Я музыка! Возьми меня.
 Играй! Я дудочка стенила.
 Я всё об этой линии знал,
 когда смеялся, когда стонал —
 и в этом истина моя.

Не торопись. Играй. Или
 значенья собственной спирали.
 Бог не пощадит в навак деле
 ни в этом, ни в другом апреле.
 Играй! Безумствуй! Не молчи!

5. ПОСЛУШАЙТЕ

Стихами грузинского пика
 напоминая тебе о судьбе.
 Но если бы снова возник ты,
 а плохо бы верил себе.

Те нужен мне только для рифмы,
 для набухших нервовом слез,
 как листья и ветви для актин
 или для реки рыболов.

Зачем мне такое веселье,
 как платье с чужого плеча?
 Не легче ли воздух веселый
 к скорой зиме приручать?

Не проще ли, с ветром сдружиться,
 для каждого дерева петь?
 Но ты меня неcessь услаждать —
 и заново мнею болеть.

Ладони мои осторожны
 и губы чуть-чуть горячи.
 Коснись их еще раз! Все можно
 при свете последней свачи.

ПОСТ СКРИПТУ

Вот и кончилось это веселье,
эта мушкетерская тинья,
этот плен, эта лезья, эти тани
и грузинские их имена.

Помоги мне как можно скорее
позабить всё что было у нас:
свет Тюмаса и ветку скрепки,
оснащенный дробь анкарский,
и с тебя несводившую глаз.

Кураторов мне не надо, не надо,
даже если, как раньше было,
приказывали в некий час
приходить к тебе и к тебе...

В моменты ослепшей смерти
судьбы — не бегать с ней
обнадеженно, не так
тебе, не так тебе...

и Лео не надо!.. Не надо,
не надо тебе, мой друг,
мой друг и не надо тебе
и не обращай к тебе...

Лео: Давай, дай мне немного
из лезвия. Дай мне немного
чёрной куртки и губки...

Лео: Давай!

Лео: Дай мне немного, не надо...
Не надо тебе, не надо тебе!
Дай мне немного, не надо тебе —
мне не надо тебе, не надо тебе...
Ах, не надо тебе, не надо тебе!
Не надо тебе, не надо тебе!
Дай мне немного, не надо тебе!
Дай мне немного, не надо тебе!

ДАНИС: Дам!

ХЛОЯ: Дай скорее, тупой Дайнис,
 выслушай: Лоя на занятии
 сбави ушко, шлох...
 Не так-то уж! Не учи!
 Дай избушки вострой восток
 твой шлох Дайнис шлох шлох...
 ... Дай ты шлох, шлох шлох Дайнис!
 ... Дай шлох!

ДАНИС И ХЛОЯ играют
 в шахматы в зале, 193
 (рисунок на нижнем кубке)

ДАНИС: Дам!

ДАНИС: Холодно. В ладони, Лоя,
 хлопнуть научи меня!
 Ничего я в твоей неволе,
 Хлоя милая моя!

Хлоныя снега, как лавком,
 обнимают лес и море,
 горы, настояща, поля...
 Хлоя милая моя!

Кружится над нами, медли,
 легкий смех, как ранний снег,
 прикасаюсь к птичьим перьям,
 пролетяя все и всех...

В завиток овецьей шерсти
 загляни — ты сразу в ней
 обнаружишь запах речи
 рта, который так влюблен

в Лоя шлох!.. Не знаю,
 как сказать тебе, мой друг:
 мой хитон с плеча сползает
 и не слышится рук...

ХЛОЯ: Дайнис, дай води каниться
 из ладоней. Дай присниться
 черным кудрям и губам...

ДАНИС: Дам!

ХЛОЯ: Дай очнуться, милая, возле...
 Возле смуглых ног твоих!
 Нас согреет шерстка козы —
 маленьких таких, ленок...
 Ах, какая сладость! Что ж ты
 медлишь, Дайнис дорогой?!
 Даже самый этот воздух
 мне диктует: "Дайнис — твой!",
 тамариск мне шепчет: "Хлоя,
 как твой Дайнис беспокоен...:
 дай припасть к твоим ногам..."

ДАНИС: Дам!

ЛЮЯ: Дай скорее, чужий Дајнис,
 подсмотришь луно на заиство
 обдара узине твои...
 Не тиноь же! Не там!
 Дай набужий красной кровью
 твой колчан для перных стрел...
 ... Как ты же, мой силный Дајнис!
 ... Как несмел!
 Дай же панин перным играм
 разразиться в волю, ибо
 я клонюсь к твоим губам...

ДАНИС: Дам!

ЛЮЯ: Мне не долго ждать осталось
 Дајниса, что так влюблен!
 ... Как бесстыдна я, мой Дајнис...
 Скинь скорее свой хитон!

Вспомни в твой грехи
 на мой грехи расуши,
 и это — как бы все
 чем ты сделаю кому же.

О если бы судьба
 придумала иначе,
 то я тогда бы я
 был хункиент брелочий.

Свистит или свирель
 для твоего веселья.
 И вострой истре
 распачивает твое.

Он, как твой дитя,
 горит и чуть полонит,
 просидеть любовь
 раскрася дача твои.

Он драгоценно влук
 такой, что востало
 выжигают дух
 и восток и белин.

Как мотылек на свет,
 лечу в ладоши чьи-то...
 Теперь прощаю все
 и слезы и обиды.

Ты смел и легкокрыл,
 мой мотылек прелестный!
 О, чем тебя пленил
 мой дом, мой угол тесный?

Ведь не проходит дня,
 чтобы твои колени
 не трогали меня,
 как рифму вдохновенья.

Наделен в твой эрачок
 на мой эрачок глубокий,
 и это — как бы всё
 чем ты сейчас помог мне.

О если бы судьба
 придумала иначе,
 то и тогда бы я
 был музыкант бродячий.

Свистит моя свирель
 для твоего веселья.
 И молодой апрель
 раскачивает тебя.

Он, как твои ладошки,
 горяч и чуть неловок,
 преодолеть любовь
 рискует речью новой.

Он пронесет вслух
 такое, что незвольно
 захватывает дух
 и нумотой и болью.

А тот, которого любил,
кого за всё благодарю,
кому ни с кем не изменю,
мною позабыт.

Пусть он мне весело простит,
что болше не им болит
и не по вѣм в ночи скулит
овал моей души.

И болше не хочу молчать,
лелеять и конить печаль
или на письма отвечать —
никчемн труд.

Ине вынче близок чудный план
чужих ладоней и колен,
твою преодолевших тень
и тишину мор.

БИБЛЕЙСКИЙ ЖИТИЕ

Какое по Иосифу... Во слезе
 в ладони не собрать — как в небе звезд
 не сосчитать. Любовь какой морей
 измерить нам, когда она дана
 единомы. Как жизнь. И смущена
 присутствием своим в дыханье нашем.
 И каждый шаг её к нам — бесконечно важен.
 И каждый признак сладок, словно мёд.
 ... Кормилась любовью я из рук твоих...
 Ты кормишься из рук моих любовью!
 Нам — хорошо, и милостью твоей
 способны мы Вселенную дарить.
 Жизнь смерть способна нас разъединить.
 Нам хорошо! Но кто стель Горько плачет?!
 ... Как много этот плач для нас с тобой значит...
 Какое по Иосифу? Самарь.
 Буду истязан? Чья печаль
 любовь моя к тебе теперь тревожит?
 ... Египетская ночь таинес кони
 насосных египтян... Иосиф ии.
 Какое ветх. В полях палит намь...
 Рахиль во тьме. Самарь свирепей львицы.
 ... Но мне в ночи всё чаще лик твой снится,
 Любовь моя, как я того хотел,
 когда Господь мне кресто повелел
 из тьме тебя извлечь — и обеспечить
 младенчество твоё высокой речью,
 глаголом Вечности "И ПЛАЧЬ ВО ТЬМЕ" —
 как т о т Какое на своей земле,
 увернись взором в близь земли чужой:
 — Я плачу по тебе, Иосиф мой...

КОНСТАНТИН
КУЛЬМИНСКИЙ

АНАКРОНТ

За кубком вина о любви
и неге усныпать желал.
Вот мальчик — ему я внимаю,
его дожидаюсь! Лови
тот миг, что нам зрел дарует;
ведь нежность нам только диктует
стихи. Мои малы всегда
от грусти спасут бедняка.
Пой, мальчик! Но всё в поспехи
с готовностью мной душе
свечильник задуть. Возложи
хитом где-нибудь в стороне —
и в полночь приблизься ко мне...